

Кошачье племя
Часть 1

© Олег Андрос, текст, 2013.
© Елена Шамрина, обложка, 2013.

Открываю дверь и захожу в полуподвал, едва освещаемый горячей в уголке тусклой лампадой.

Они неторопливо подходят ко мне, старательно не задевая боками друг друга; заходят с разных сторон – даже в этом они проявляют обособленность... А ведь живут все в одном месте.

Отрываются от любовных игр, от любых других забав, все до одного приходят и обхаживают захожего гостя, садятся в ожидании у моих ног...

Смотрят на меня блистающими в тусклом свете лампы глазами, почти не моргая, произнося шёпотом свои часто неслышимые существу человеческому слова.

Странный народ, эти кошачьи.

Гордый и независимый – и вместе с тем настолько готовый послужить...

«Что ты нам принес?» – спрашивают они чуть ли не хором.

Подсознательно отмечаю – они говорят, каждый в отдельности, не «что ты *мне* принес?», а «что ты *нам* принес?». Кошки индивидуалисты, конечно, но сейчас они голодны... Мышами они уже не могут прокормиться. И братство их опять объединяет. В общем голоде.

- Какие вести из далей, пушистые собратья? – спрашиваю я.

Они смотрят на меня своими странными глазами, тихо напевая по кошачьи (даже мой слух не может различить слов), а потом нехотя начинают отчет...

- Был на дереве недалеко от входа в рудники. Все тихо, - отчетливо начинает первый, как ни странно, не Кыць. Именно Кыць обычно первым держит слово. А это что за незнакомец?

- Ходила в тумане на границе Тилура, мрачно и неуютно, - добавляет другая кошка. – Зверей нет, людей нет. Одни кожики летают.

- Ясно. Это ценная информация. Получай приз, - достаю лакомство, коржик из особой муки, единственной, которую жалуют кошачьи. Надо бы смочить его в молоке, тогда еще слаще, но пусть, пока повременю...

Кошка тихо уплетает коржик... Не доедает, делится с собратьями. Родовое братство, надо же... А вы скажете, кошки – индивидуалисты...

– Ну-ка, скажи что-то еще, пушистый собрат, – и как у меня язык поворачивается такое слово говорить не-человеку? – Всё мне интересно.

Собрат молчит. Оценивает. Думает, что бы сказать.

– Собрались тучи, и грянула буря. Небо стало багровым, как костёр, и вихри носились взад и вперед по его простору. Огромная туча зависла над Тилуром, она завинчивалась сама в себя и перемещалась над безмолвной степью, - в его наречии почти поэтические фразы звучали буднично, как всегда у кошек.

- А потом туча извергла пламя, и вновь, и вновь... Пока буря не прекратилась и не ушла восвояси.

- Ты всю ее видел? (изъясняясь, как люди – «Ты наблюдал ее от начала и до конца?»...).

- Я испугался и убежал после, но пламя я запомнил точно.

Надо же, и не врёт, и старается не выдать, что говорит не всю правду...

Кошачьи смотрели на меня еще внимательнее.

- Это все?

- Да, господин. – И не нужно никакой клятвы... Он назвал меня сакральным именем. Напомнил о своем долге и заставил больше не задавать вопросов.

Что ж, за такую – пусть даже не вполне полную, как мне кажется, - информацию следует наградить...

Достаю из заплечного мешка миску, наполняю ее молоком и подвигаю к кошкам. Те замолкают. До сих пор пение не прекращалось ни на миг, только звуки его становились все ниже и тише. Несмотря на свой голод, кошки с достоинством принимаются за трапезу. Отличие кошек в том, что они во всем остаются такими...

- Благодарю, брат Кыць. Ты отлично понаблюдал.

По правилам, я не обязан более их слушать, а они – не обязаны более говорить. Человек узнал нужное ему – человек может уходить...

Но я-то не всегда ухожу сразу из этого подвала в старом доме, куда можно проникнуть только сквозь тесное окно вровень с землей, да и то не без помощи чар. Я ведь имею и свои интересы, я, маг и соратник Ормунда...

Я сидел, прислонившись к стене, и всё глядел, как снуют в призрачном свете единственной лампы серые и белые тени – гибкие, неуловимые... Истинно сказано – верткий, как кошка... И вот и я ныне - среди них.

Я ничего не могу им рассказать взамен. Это было бы оскорблением достоинства короля людей – рассказывать нечто вассалам, делиться информацией в обмен... Кошки делятся с нами только за плату. И кров. И больше ни за что.

Потому я неподвижно сижу в углу и тихо жду, пока угаснет свет, пока люди наверху лягут спать и лишь кошки продолжают жить своей неспешной и не всегда понятной мне жизнью...

А утром я уже буду спать. В своей кровати из сушеных листьев.

А затем... Затем, как и всегда, я пойду во Дворец.

Кошачьи не возражают против моего молчаливого присутствия.

В таком месте, как здесь, они и не могут возражать.

Я всё думал.

Кто бы мог подумать...

Что они будут когда-либо поставлять вести нам.

От кого мы зависим...

От каких-то кошачьих.

Неужели мы не могли найти лучших прислужников? И лучших соглядатаев?

Пожалуй, нет.

Я могу говорить с ними с 14 лет. С тех самых пор, как ютился в одном помещении с кошками, летучими мышами (теми самыми кожиками) и пауками двадцать дней. За это время пало одно царство и образовалось другое. Мечи тогда звенели где-то совсем близко, и мне оставалось лишь сидеть, дрожа, в темном закутке, и ждать смерти от этой звенящей стали. Позади был отчий дом, и бегство во тьме через Черное поле Эллурена, и проклятия магов, отдающие серой и гарью, где-то за спиной...

Кошки приходили ко мне, садились на колени, терлись пушистыми боками и молча (как для обычного человека) уходили... А я слышал всё, о чем они говорили между собой.

Они разговаривали о том, как пахнет этот пришелец из мира света наверху, как странно, что он сидит здесь днями и ночами, и как пахнет убийством от людей сверху. Они даже не видели их, они их просто чувяли. Они никогда не подойдут близко к человеку, который имеет *такие* намерения.

А потом я попытался с ними заговорить.

И они меня поняли.

Говорят, что если ты попробовал заговорить по-кошачьи и с первого раза у тебя ничего не вышло, то не стоит и пробовать дальше. Этот талант дан не так уж многим, и я попал в число не только понимающих язык кошек, но и довольно сносно на нем говорящих.

Я складывал поначалу понятия в предложения, самые простые и незамысловатые... И каково было удивление пушистых братьев, когда я вполне осмысленно начал отвечать на их недоумённые вопросы. Они не могли понять, как воспринимать меня – как кошку или как огромного, в шесть их ростов, человека, довлеющего над ними.

А потом они стали приносить мне вести.

Еще одно полезное свойство кошачьих, которое так удачно использовал потом наш общий Правитель...

Хорошо, что я не умер от голода в те страшные дни.

В поисках еды я таки вышел наружу, на поле боя. Искал еду долго, по всем углам и подвалам, которые были настезь открыты и разграблены.

В одном нашлась мука. Непригодная, естественно, в пищу.

В другом – орехи, объедки орехов, но было и несколько целых. Я расколол их и ел так, будто это было лучшее в мире яство...

А потом нашлось и питье. Вода в бочке. Простая вода...

И почти все мне показали вездесущие кошки.

Я никогда бы не узнал об их присутствии, если бы не их болтовня, которую, как они считали, я не слышу.

Впрочем, они никогда не говорили между собой просто так, для удовольствия. Всегда с умыслом.

Вот и тогда... Они умышленно показали мне путь на волю.

Они умышленно сохранили мне жизнь.

- ...Я должен им повек.

- Да? А что тебе ближе – говорить со мной или со своими кошками?

- Мне близки и они, и ты, Эллен, - горячо отвечал я тогда, сидя на нагретой весенним солнцем крыше, свесив ноги и пытаюсь приобнять всю ту же девушку из Поселения, которая сводила меня с ума вот уже несколько месяцев...

Где-то внизу еле слышно, на пределе слышимости, перешептывались две кошки. Они были не видны для обычного глаза, и я их тоже не видел, сколько не всматривался в тень внизу на улице. Но они бесстыдно глазели из укрытия на сидящих высоко над ними людей... Они искали новые вести для своего господина.

А я никак не мог решить, что мне дороже – вездесущая работа на вассала или Эллен, так тепло и ощутимо льнущая ко мне прямо здесь и сейчас.

Так отраднo было сидеть *здесь и сейчас*, не знать и не думать о бесконечных интригах, стычках, ножах и заклинаниях... Забыться и отвлечься, забыть обо всем рядом с этой девушкой, рядом с самой жизнью, дающей тепло... Как отталкивающе представлялся мне сейчас Дворец с его полутемными переходами и молчаливыми стражами, с его атмосферой, пронизанной ложью, хитростью и коварством... Мне надоело все это в один прекрасный день... И я вновь пришел к Эллен. Я не могу больше без нее. Я не смогу продержаться ни минутки во Дворце, если я сейчас об этом Дворце не забуду...

Краем сознания я осознавал – я слышал на пределе слуха – болтовню кошек. Они довольно скрытно шептались где-то на вечерней улице и обо мне, и о людях вокруг, и обсуждали сегодняшние события, и вчерашнюю ночь... А потом я отвлекся. Я снова заговорил с Эллен о чем-то... И забыл на долгий сладостный час обо всем, кроме нее и своего счастья.

Утром опять начался поход.

Объявили сбор, и за мной прислали гонца...

Я не мог оторвать взгляда от нее, спящей. Я долго стоял на пороге, уже собрав сумку, уже зная, что вот я переступлю этот порог – и кто знает сколько месяцев не увижу ее спокойного лица, полускрытого спадающими на чело волосами... Каково мне было тогда – я до сих пор вспоминаю с содроганием...

Но затем я развернулся и ушел. Унес ее образ с собой. Унес в унылую бездну дождливых дней, пронизанную только непрерывной кошачьей болтовней.

Они и в походе сопровождали нас. Самые надежные в мире гонцы и разведчики. Наша сила и опора.

Маленькие пушистые создания, которые единственные давали мне отраду и поддержку в те дни *без Эллен*...

Трубили горны, и сновали люди по всей обширной территории военного лагеря. Снова война за престол: кровавые дележки имущества между тремя двоюродными братьями, их зятьями, невестками и всей бравой свитой. Всяческие бредни, от которых никак не смог отделаться род людской и его лучшие представители в частности. Они режут и секут друг друга, а потом подсчитывают убытки, а потом все вместе каются. И идут в церковь замаливать грехи. А я смотрю на это и не осознаю, что сам сопричастен к этим людям своими делами. Я ведь перевожу доклады кошек для них. Зачем я это делаю?

Как учил нас Тарна, это наше призвание. Бороться с самими собой, пересиливать свои желания, томления и похоти. И делать то, что я должен делать. Что я сам определил для себя как великую цель.

...Я не в силах был тогда попрощаться с Эллен. Она бы не отпустила меня. Я бы сам не в силах был сделать тот шаг за порог. Я бы предал и вассала, и дело свое, и все кошачье племя. И скрылся бы навсегда от гонца Правителя.

А так... Я мог уйти без содрогания своей совести. Я ее обманул, свою совесть и свою любовь. Свое самое святое чувство я потоптал и бросил там, в далеком Поселении, где Эллен сейчас стирает белье в холодном ручье, собирает яблоки в общинном саду и не слышит, как и что о ней говорят кошачьи вокруг... Они-то все обо мне знают. У них свой взгляд на мир. Более честный.

Они бы мне не простили, если бы я бросил и их тоже...

- Вставай! Подъем! Гарнизон, выстраивайся! Быстрее, в мать!..

И так каждый день. Страна дураков...

Беру заплечный мешок, набрасываю плащ и выхожу на построение под промозглый ветер... Я ведь военный консультант по делам кошачьих, в мать... Вояка, как и все...

Что ж, настанет момент, когда я им навоюю.

Вечером взяли в осаду неприятельский город. «Неприятель» еще два года назад был верным слугой Правителя, исправно платил подати и ведать не ведал о междоусобных войнах и дворцовых переворотах.

А затем все пошло наперекосяк. То ли магия сделала свое растлевающее дело, то ли шибко много золотых монет обещали недобрые люди служивому – но растление на глазах у вышестоящих особ, не прошло даром. С радостью стал бывший бургомистр под знамена гвардии нынешнего претендента на престол. И не просто стал, а вооружил все свое поселение украденной у законного хозяина боевой магией... Любопытен был бургомистр к магическим делам не в меру... И ведь скорее всего уже «был».

Одна кошка жила в его доме. Непрестанно гонимая – хозяева все понимали – но вездесущая и даже нашедшая пропитание.

Слуги кормили ее объедками.

А она доносила нам.

Двое кошек жило через дорогу. Под носом у бывшего Мага его величества, а ныне у Черного Мага его Сиятельства гвардии (Сиятельством окрестили того самого претендента на престол). Кошки поочередно залезали на крышу и смотрели. Ровно счетом ничего не понимали в происходящем, но передавали все увиденное и услышанное по цепочке – через кварталы аристократов, через кварталы бедноты, через холеных и облезлых кошек... К нам, за городские стен.

А у стен их ждал то брат Кыць, то Архи. Оба понятливые и сметливые. Не хуже, а то и лучше, чем слуги Правителя.

Мне сложно было порой понять странные описания происходящего в стенах дома бургомистра, передаваемые на кошачьем. В понятия кошек не входили многие явления из человеческой жизни, а в мои понятия как человека - многие явления из жизни кошачьей. Но я-то был уже только наполовину человек... Это был странный перевод, и боевые маги морщились, слушая меня. Но и этой информации им очень даже хватало...

Так я узнал все, что нужно было для удара.

Ночью мне снились они. Глядящие на меня из подворотен глаза. Мертвый город. Поле Эллурина... И Эллен.

Она почему-то была на том поле. С корзиной для яблок... Хотя и не было в том месте никогда никаких плодов... Она бросала корзину и бежала ко мне, пепел вздымался под ее ногами, а я стоял на холме высоко над полем, я, закованный в броню солдат Правителя в строе таких же воинов, и звучала команда «К бою!», и лучники позади меня брали оружие наизготовку... И готовились стрелять по команде... Когда мы разомкнем ряды.

Она бежала ко мне по сгоревшему полю Эллурина, и все стрелы были направлены в нее...

Позади нее не было никаких чудовищ, по которым мы были обязаны стрелять. Неужели командование считало чудовищем ее саму?..

Я должен был бросить меч, выйти из своего строя и прикрыть ее от стрел, не правда ли?..

Сон кончился.

Бесконечно о чем-то шептались кошки в углу помещения.

Я не мог заснуть до самого рассвета, когда меня посещали подобные сны.

Я едва выдержал бы еще раз звук этого голоса – кричащего лучникам «К бою!..»

Я ждал вестей из тыла. Кутаясь в негреющий плед, я осознавал, как же я жду хоть каких-то вестей об Эллен...

Утром взяли столицу Айскалада.

Я молча сидел на пороге жилища, пил свое походное... Нет, не пойло, напиток из терпких бирюзовых лесных ягод, отгоняющих сон. Сон отстал.

Над лагерем вился дымок. Над городом клубился черный, как сажа, дым. Сейчас где-то там убивали всех, кто дал клятву служения Кертену.

Я допивал свой чай из ягод.

Обгоревший кот неслышно вышел из тени леса слева от меня. Тихо подошел и облизнулся. Заглянул мне в глаза.

- Возьми меня на руки, - прошептал он.

Он говорил так неразборчиво, что от того его голос сравним был с человеческим шепотом...

Кстати, Кертен – имя того самого Сиятельства. Само Сиятельство уже висит, вздернутое вниз головой, над аскаладскими хваленными воротами, которые не пробивала ни одна магия.

Деньги-то пробили все заслоны, и заклятые ворота тоже. Они распахнулись, стоило привратнику услышать звон монет.

Потом бедняга вместе со всеми покачивался на дыбе у входа в опустошенный город.

- Откуда ты? – спросил я.

И исполнил его просьбу.

Его шерсть прогорела до кожи во многих местах и встала дыбом от боли, когда я подхватил его на руки. Ему было больно, а я ведь жалел его. Собрата-вассала...

Он устроился у меня на коленях, мяукая от боли, но терпеливо и основательно. Заглянул в глаза. Попросил молока – все так же неразборчиво. Но я дал ему просимое, дотянувшись левой рукой до миски, приготовленной для его собратьев.

Он аккуратно лакал, не желая разбрызгать ни капли. Умный опытный кот.

Я дал ему насытиться, держа миску, затем оставил ее и положил руку на пушистую шею. Нащупал пульс.

Сердце билось ровно. Жив и еще проживет.

Сколько потребуется Короне.

- Так о чем ты хотел мне поведать?

- Ваша невеста погибла, добрый человек, - медленно ответил пострадавший от неведомого пламени кот.

Пока я сидел, многие не совсем уместные мысли приходили мне в голову. Так и лезли, толпясь и бранясь, отталкивая друг друга. И все вопили – «Я главная!»

Все сообщения разведки проходят тройную верификацию – проверку на лживость. Сначала кота допрашивает стража, потом Его тщательность инквизитор, а потом уже я. Я – последнее звено в цепочке. Мне кот не солжет.

Впрочем, ни стража, ни Его Тщимость не знают кошачьего. Им можно наврать с три короба через переводчика, который знает только азы языка.

Мне – нет.

Так я думал до сегодняшнего дня.

Я схватил кота за обожженные бока и молча стал сжимать.

- Отпусти! – шипя, сказал кот.

- Источник данных? – проговорил я. Едва слушалась гортань, мешая артикуляции – я не сдерживал себя и говорил больше как человек, а не как кот.

- Ночное око! – выпалил обгоревший кот.

Его нельзя травмировать. Дорого обойдется мне же. Я-то знаю...

Я ослабил хватку. Отстраненно посмотрел поверх его головы. Загляделся на флаг, развевающийся на далеком флагштоке, на череду шатров Их бдительности, на поваренка поодаль, справляющего исподтишка малую нужду... И знает же, что я здесь. Близорукое существо.

Я заглянул опять в глаза кота.

- Говори перечень дат.

Да что я с ним... Как с дозорной тенью... Говорят, есть такие у магов. Пустят - они все и выложат хозяину, что видели и где, перед тем как испариться... Только ума – ни на грамм...

А он же – разумен. Наверно, я и впрямь в бешенстве. Нужно общаться с братьями совсем по-другому...

- Около десяти дней и ночей... От полнолуния. Три часа перехода от Старой Башни к Жучиному подвалу. – Нечасто коты забирались настолько близко к Ней, нечасто...

- Дальше!

- Через перешеек на мост у реки... Помилуйте, господин!

- Да что там случилось?

- Я съел мышь... Подосланную магами.

- Последствия?

- Потеря речи и слуха. На два дня.

- Больше ничего?

- Ничего, господин.

- Стоп. Где получил ожоги?

Кот поежился.

- На Кротовьем поле. Отряд столкнулся с колесниками. Приказ был – остановить.

Я молчал. Он тоже.

Мой голос:

- Какой отряд? Все погибли?

- Истинно так. Отряд Легионеров Его Величества, под командованием некоего... Кианрида. Их убила живая отравка. Я спасся на дереве. Не все смогли... Спасти. Легионеры окапывались, им мешали доспехи.

Скверно. Врагу такой смерти не пожелал бы.

...За убийство Эллен – сам бы на них напустил отравку. И заклятьем бы подкрепил.

...Ударяю себя кулаком по ладони. По тыльной стороне. Успокаиваюсь. Кот сотрясается, мяукает от боли. Но ждет.

- Дальнейшие твои деяния после моста, - произношу.

- Наблюдение в тылу. Изучение обороны. Много вельмож... Очень много. Так и лезут отовсюду со своей охраной.хлопот с ними много. Хорошо владеют магией. По вашему повелению – проверка дома госпожи Эллен...

Да разве такой приказ был?!

Да – был. Не пил с тех пор ни капли. Первый раз употребил Его величества выдержанное вино – и как я себя повел... С ними... Что я им еще приказывал?!

А все же тех, кто оттуда не вернулся, жаль. Не просто потому, что зря полегли... Ведь они мне – собратья.

- Двор разорен, - чуть монотонно повествовал кот. Как же ему было больно. Но долг, вечный долг... - По поселку бродят Печники. Все сгорело и занесено золой... В хрониках поселения осталась запись - поселок взят в осаду. По словам Сова. Она прочитала это.

Я хотел сказать ему – никогда не доверяй учености сов... Почти наверняка обманут. Полагайся на свою ученость. Но я не понимал совьего, он – знал в своершенстве. Стоило ли перебивать?..

А запись-то, скорее всего, та самая, Заключительная¹. Скверно.

Кстати, что же это за Сова, охочая до чтения Заключительных записей? Проверить... Срочно. Но как?

Я знаю только язык кошачьих...

Кот продолжал:

- Могила госпожи Эллен на дне высохшего колодца, упрятана заклятьем и оковами от упырей. По словам Сова, закреплена печатью человека с Вечной Горы, но я не могу подтвердить.

Проверил. Старательный кот, ей-ей...

- В могиле – людские кости... Бр-р... Давно лежат. Не тлеют. Магия не позволяет. Назад возвращался через Княжий удел. Встретил армию. Особый отряд, узнаватели. Хотели растоптать – я успел залезть в карету генерала. Тот разобрался и поверил.

Ах ты проныра.

- Столкнулись с колесницами на подъезде к лагерю. Слез с дерева... В тлеющие уголья. Те подожгли землю. Не было выхода. Шел сюда по ручью. Остужал раны

- Хватит, довольно.

Он и так смог меня поразить.

Кот-храбрец, надо же.

¹ Предваряющая сдачу поселения поселения врагу и захоронение архивов в надежном месте. – прим. авт.

Печники – особые существа, создаваемые для очистки захваченной территории от ненужных армии зданий и приведения в порядок помещений, на которые укажет маг. Существуют от двух до десяти дней, потом распадаются в пыль. Если находят реку или озеро – заходят в воду и довольно быстро растворяются...

- Безнадега, - сказал хирург в льняной маске, с уставшими и подернутыми пленкой глазами. С магией, сочащейся с раскрытых ладоней.

- Он слишком обгорел, - произнес врач. - Да ни за что...

- Три цента, - процедил я.

Боже, как долго я доставал их, скользкие мокрые монеты королевской чеканки, из тайника в колодце...

Пальцы хирурга нервно шевелились, затем стали просто подергиваться. Я отчужденно глядел. Искры слетали с этих пальцев одна за другой...

- Я отдам четыре с половиной цента за здоровье пушистого собрата, - четко выговорил я. – Я отдам их прямо сейчас. И ты пойдешь и купишь себе молока за них. Или что ты сам захочешь. До самого начала следующего века.

Да-да, начало-то не скоро наступит...

Врач затравленно озирался. Взглянул мне в лицо, моргнул.

- Я... Готов. Плати!

Тихий перезвон монеток.

Я теперь беден, он – доволен собой.

Полечить этакого зверька за такую цену, это ведь надо такое...

...А дальше я собрался вешаться.

Уже приготовил и чуть ли не намылил веревку. Прочитал молитву и свернул верхнюю одежду рядом калачиком – авось кому пригодится.

И вдруг ясно ощутил зов Ее.

Как далекая амфора в ночи. Я чувствую ее на ощупь, я знаю, что она там.

Внутри амфоры – ее душа.

Ее голос зовет. Ее душа – там. Там... Так далеко, что даже кот обгорел, прежде чем нашел неблизкий путь сюда.

Дым вьется над лагерем, застилает звезды. Они молча подмигивают мне. Я несу спеленатого после врачевания кота к себе в шатер. Захожу, молча накрываю стол, ложу кота в уголок на мягкие подушки, откидываюсь на жестком сидении и засыпаю...

Во сне мне снится дерево. И Она. И кот, играющий мокрой и почему-то живой тканью.

Та все отползает, и он поддевает ее лапкой – и продолжает ею играть...

А я смотрю на это, улыбаюсь, потом отворачиваюсь и снова целую Ее... Боже, как рад, что я снова с Ней...

Утром опять протрубили общий сбор.

В поход я захватил раненого кота, бережно уложив его в обшитую бархатом шкатулку.

Я сижу на берегу моря, оно ласково подползает и опять покидает меня. Я думаю. Смотрю на величавый замок, подернутый копотью от пожаров. Но он величественен вопреки всему.

Я хочу узнать, как добраться до могилы Эллен.

Я в сотый раз спрашиваю, откуда такое несчастье. Откуда это гложущее и довлеющее чувство присутствия Ее – и сам не могу понять.

Она так близко... А я не могу ни у кого спросить, где она.

Даже у кошек.

Я зашел в хижину, заменяющую и операционную, и лежбище для вылеченных котов. Таких, как этот мой разведчик, свершивший невероятное.

Провожу пальцами по перебинтованному боку. Магия делает свое дело, но еще больше сделает прикосновение человека, подобного мне. Я маг, который не исцеляет плоть... Но и мне не чужда благодарность.

Кот сонно поворачивает голову, пытается умыться, смотрит на меня... Я долго смотрю в его глаза. Ничего не говорю.

Кот все понимает без слов. У них нет надобности в жестах. Они передают эмоции иными путями.

Я еще раз провожу ладонью по отрастающей щетке и покидаю хижину...

Врач провожает меня взглядом. Я его чувствую нутром, этот взгляд.

Ему я тоже ровно ничего не говорю.

Сил хватает только на то, чтобы дойти до палатки, укрыться и заснуть мертвым сном. Слышу лишь играющего вдалеке менестреля сквозь накатывающуюся пелену.

И почти сразу во сне начинает звучать речь по-кошачьи...

Собрат выздоровел и немногословно меня отблагодарил. Он снова хотел пожить на свободе. Вдали от меня и всего со мной связанного.

Я молча его отпустил.

За плохие вести не говорят благодарностей – но и не ругают. И я не ругаю.

А он все-таки отлично справился со своим делом.

Принес мне весть...

Пусть даже ту, которая никогда не бывает вовремя.

Крепости неприятеля были повержены, и отданы на три дня солдатам Его сиятельства. Представитель Святейшего неодобрительно морщился и сыпал междометиями, но согласился. На третий день там не оставалось ничего. Ровным счетом ничего.

Дороги наполнились повозками, везущими скарб детям и женам.

А я никак не мог выбраться на могилу Эллен.

Один за другим исчезали разведчики из племени кошачьих. Потом появлялись. Немногие. Много таких верных слуг Его величества уходило за

перевал – там их ждал обет новому властителю вместо долгожданной свободы. Они об этом не знали заранее. Я заблаговременно их не предупреждал.

Пусть пока служат справедливейшему в мире хозяину... Наш хотя бы не отправляет их в бой. Без зазрения совести.

Пока - не отправляет.

Я проснулся от четко и явственно прозвучавшей в ночи мысли.

Заговоренная мышь на мосту в город. Потеря речи и слуха...

Да какой же я олух!..

Бросились искать кота. Уже не нашли. Далеко успел уйти наш разведчик – к Великим Бродам, на расстояние пятидневного перехода.

Бродит там, уворачиваясь от стрел...

А я почти ему поверил.

Заколдованная мышь, которую он съел.

Надо же.

А господа маги многое узнали о моих желаниях. Сподобились создать почти непротиворечивую иллюзию, которую и воспринял кот, посланный на поиски Эллен мною.

Я ее найду, мою Эллен. Я убью каждого, кто посмел насрать на случайно встреченного на пути кота *такие* видения...

Только вот насколько же это было ложью, а насколько – явью?

Я приду туда...

Я сам все выясню.

Кошки природенные разведчики – до тех пор, пока с ними не поиграет чужая магия.

Из-за нее они теряют не только слух и речь.

Слишком часто теряют они жизни, мои одетые навеки в шерсть собратья по войне, начатой не нами.

Мы опять были в походе. Брали что-то штурмом и насаждали чью-то власть.

Кошки дезертировали, разбегались одна за другой. Будто в их власти было изменить свой удел. Будто они не замечали, как они ценны для Владыки.

Их часто ловили и привозили назад, связанных, будто пленников. Воины спрашивали меня: «Что с ними делать?»

Я махал рукой: «В темницу...» Не мог я опускаться до казни собратьев, позволивших себе покинуть поле боя. Не в моих это силах было.

Объявился переводчик, заявлявший, что знает язык птиц. Это осложнило всю ситуацию, потому что показания, скажем, сов и кошек не совпадали. Посланник Его святейшества хмурился, самозванный переводчик процветал.

В конце концов он крупно ошибся, назвав дату намеченной врагом битвы с огрехом в десять дней, и его едва не казнили. Потом, где-то в тылу, его повесили, но не наш отряд в этом постарался.

Наверно, это был шпион. Не важно.

Я сам готовился дезертировать.

На каком-то участке моих тщательных приготовлений взяли с поличным и меня.

Скажу одно – перед тем я выпустил из темницы всех пушистых братьев, которые были в состоянии ходить.

Они скрылись на границе - и были таковы.

Я долго сидел в темнице Его святейшества. Меня били и отливали водой. Поили какой-то дрянью и водили на допросы к дознавателю Его Святейшества. Я мало что ему рассказал. Нельзя сказать, что я никого не сдал... Сдал всех, кого только вспомнил, но толку от этого было мало. Показания мои не подтвердились.

Я был караем плетью и отпущен на свободу. А может, это все мне приснилось. После десяти дней заточения у меня все путалось в голове. Где сон, а где явь... Кто его знает.

Во всяком случае, синяки на теле остались порядочные. Грубо работали дознаватели, некачественно.

Впрочем, перед кем они должны были скрывать методы своей работы?

Пушистые братья меня защитить бы не смогли.

Так я получили официальное признание того, что я мелкий изменник и не годен на должность официального переводчика при Владыке. Меня сместили и отправили в тыл. Копать какую-нибудь картошку, собирать рожь или что-то в этом роде. Пахать наравне с крестьянами. И забыть о том, что я видел и слышал на войне. За длинный язык наш дорогой Князь карал жестоко.

Впрочем, мне-то не знать о его жестокости?

По дороге тянулись кибитки, а еще возы с бесконечными беженцами, военными, шлюхами и прочим людом, часть которого бежала от войны, а часть – на ней наживалась. Мне дали в руки посох, какой-то молитвенник, где я едва разобрал заголовок, начертанный витиеватой вязью, и благословение Его святейшества. Сначала он меня пытал, потом благословил. Ирония судьбы, ха-ха.

Я так мечтал бросить эту проклятую дорогу, сойти на обочину и уйти в сторону заката, туда, где некогда жила Эллен в Поселении... Но на ногах были заклятые колодки, не мешавшие, правда, ходить, справа и слева были столбы с запрещающими рунами, и все это давило на разум, не давало свернуть с пути, заданного владыкой этих земель. Пока я не дойду до своего

персонального Поселения, я не свободен. А оттуда уже преодолевать многие мили вражеской и своей территории будет равнозначно прыжку со скалы.

Поэтом я стал на вассальной службе... Говорю сплошными метафорами.

А пора бы отучаться.

Таким, как я, метафоры больше не к лицу.

Продираю глаза, приподнимаю голову над неумело обструганным столом. Лицезрею лицо неопрятной проститутки, сидящей тут же, рядом, ждущей, пока очередная платежеспособная жертва придет в себя...

Посылаю ее чем вспомнится и, с трудом встав на ноги, иду прочь из кабака.

Нет, я не напивался вместе с остальными... Мне – нельзя. Но я что-то все же пил. И теперь это и дает тот странный эффект ореола вокруг предметов и тумана на горизонте.

Я бреду по ночному городу, лавки закрыты на стальные засовы, горожане спешат как можно быстрее по домам, чтобы скрыться от непоколебимой Дамы Ночи... А я-то кто? Так, приبلуда. Вернувшийся из сечи.

Шлюха делает поползновение увязаться за мной, я сердито цыкаю на нее... Иду дальше. Зная, что денег в кармане больше нет.

Осязаемых, во всяком случае.

Некстати всплывает в памяти лицо Эллен. Сколько я ее уже не видел? Год? Полтора? Не суть важно.

Ее больше нет.

- Привет, брат. Сыт или голоден? – слышу голос у уха.

Смотрю вверх. Кот, здоровый и благожелательный, уселся прямо на черепице надо мной. Надо же, и прыгнуть ведь мог...

- Голоден, пушистый брат.

- У меня есть пища.

И он крадется вдоль карниза. Я крадусь за ним...

Колодки с рук я выбросил еще при входе в город. Когда заколол наконец-то тех стражников.

Его Святейшество покачал бы укоризненно головой и покивал бы пальчиком: нельзя, мол.

Но для чего-то же меня учили держать клинок в руках, не так ли?

Я уже сам не знаю, чего от меня ждать. Я стал слишком опасен.

Я не уверен, что даже пушистые братья примут меня ныне за своего.

Потрескивают поленья в старой потрескавшейся печи. Это я умею их разжигать, так же как лишь я сумел их найти в разрушающемся доме и правильно сложить в очаге. И как пушистые братья живут здесь, без огня и очага? Неужели в людях они больше не нуждаются?

Как оказалось, я им еще нужен.

Как повод для разговоров. И как живая легенда.

Я расспрашиваю их об Эллен. О том городе, где она жила. О том, что произошло с его жителями.

Кто-то из братьев видел, как все люди вывозили оттуда свое добро. Кто-то видел, как в городок вошли пикинеры. Один пушистый брат чудом убежал из центра землетрясения, учиненного магами на службе.

Все складывалось. Но мне не хотелось в это верить.

А вдруг?.. А все же если – Она жива?.

Я беру старый свой плащ, весь в латках на месте пропалин... Набиваю вещмешок снедью... Сажусь в уголок и долго смотрю на неторопливо крадущихся кошек.

Они тоже наблюдают за мной.

Они не заговаривают со мной и ничего не говорят прямо.

Но я тихо кладу в сторонку вещмешок и начинаю с ними говорить...

Град был сожжен.

Он бы уничтожен дотла всеразрушающей, всеранящей магией... Я шел будто в коридоре из двух черных, обгоревших стен, где тлео еще в глубине пламя, готовое прорваться наружу. Где шныряли духи разрушения, неугомонные, злые, будто специально родившиеся для того, чтобы служить магам Проклинающим. Я учил когда-то основы этой магии. Я немного знаю, как убивать. Но я это ни за что не повторю.

...Ради Эллен – повторил бы.

Неужели это думаю я, маг, давший клятву?..

Я выхожу на черную, как сажа, площадь. Неспешно обзираю эти места, где не осталось даже живого мотылька и мошки, где сторело все и расплавился гранит, положенный в основу этих зданий.

Я ищу тот колодец и любые намеки на то, что случилось с Эллен.

Я все более явственно чувствую ее присутствие.

Нет сомнений, что она жива...

Они идут за мной, как незримые тени, мои одетые в мех собратья. Они ищут пропитание на этом пепелище, и находят его крайне мало, и идут вслед за мной, отчетливо переговариваясь. Я перебираюсь через завалы, шагаю и шагаю в сторону выхода из города, не останавливаясь, не отдавая себе в отчета в том, куда иду.

Там, за городской каменной стеной, поля Его Величества. Кого он там нынче победил? Да, своего четыреххюродного племянника, который рвался к власти почти год. Долго же его добивали...

Как только я туда выйду, за мной придут маги. Они меня учуют.

Я не сбавлял шагу, пытаюсь пройти как можно быстрее эту проклятую улицу.

Я шептал заклинания, постепенно вспоминая, чему меня учили.

Я десять лет не хотел этого вспоминать. Боевая магия – самое худшее, что может породить маг.

И я буду ее порождать.

Я снова в мрачном здании, построенном двести лет назад по заказу величайшего мага современности, Эвисто Келурио. Он вложил немало сил и труда в сооружение этого величественного памятника людскому тщеславию. Долго и тщательно выверял заклятия, потом отмерял потоки сил, пригодные для исполнения его замыслов, потом, в тиши полуподвальных помещений, только что достроенных рабочими, произносил вереницу заклятий, призванных обезопасить его жилище.

И вот дом построен. И стоит в средоточии магии уже более двухсот лет, ненавидимый всеми простолюдинами и обожаемый магами, стремящимися и себе почерпнуть долю той силы, что заключалась внутри этого дома. Однако не всем было дано это сделать.

Как маг в третьем поколении, я тоже чувствую эту силу. И вот я иду к Повелителю с одной целью – предложить ее взамен... Взамен чего?

Я не хочу об этом думать.

Я вхожу в лабиринты коридоров. Привратники ведут меня сквозь них. Они доверяют мне ровно до того момента, пока их хозяин не пошевелит пальцем и не прикажет стереть меня с лица земли. Но пока меня никто не стирает. Негласная традиция требует сначала выслушать просителя. Я достаточно сильный маг, чтобы мне дали сразу от ворот поворот.

...Он сидит передо мной, это человек, правящий доброй частью континента. Он отягощен мыслями о грядущем, его род магии – провидческая – подсказывает, что впереди еще целая череда войн, что впереди опять кровь и смерть, и снова ему нужно копить легионы и выжимать соки из народа. Однако его сейчас это все меньше занимает. Потому что он изучает меня и то дело, по которому я пришел.

Он вертит в руках какие-то жуткие безделушки, черепа животных и хвосты ящериц. Они не для чар – они для забавы.

- Ты познал ее как женщину? – спрашивает Повелитель. Для меня – бывший? Нет, здравствующий...

Меня смущает его вопрос. Но отступить больше некуда.

- Да, Повелитель.

Неужели это настолько важно?..

- Хорошо. Значит, между вами еще больше нитей, связующих вас. Просто прекрасно...

Он берет перо и чертит незамысловатые руны. Сплетает узы магии, которые отсвечивают в моих зрачках синеватым блеском. Никаких уз не может быть видно человеку – но часть умения их различать мне все же дана.

- Что ты даешь взамен за то, что я найду ее для тебя?

Я молчу. Затем решаюсь.

- Что вы попросите, Повелитель?

Он задумывается. Хмурит чело, театрально шевелит пальцами...
Проходит минута томного ожидания, другая.

- Я хочу твою душу.

- Что вы хотите с ней сделать, Повелитель?

- Продать ее вещим духам, – рука его устремляется ладонью ко мне. –
Зачем ты задал этот вопрос? Ты же знал, что ты не согласишься.

Я молча смотрю на него. Затем вздымаю руки в колдовском пассе и четко, как никогда, произношу заклятие...

Я просыпаюсь в странном месте: на каком-то сеновале. Меня находит крестьянин, с руганью стаскивает со второго яруса и ведет к старосте на суд. Как якобы злого вора. Я совершенно разбит. Как сон, вспоминается Повелитель, здание, сокрытое во мраке, темные коридоры... «Я хочу твою душу» и взгляд, пронзающий насквозь.

А может, стоило?..

Нет. Не стоило.

Староста выслушивает крестьянина и долго смотрит на меня. Я улыбаюсь невпопад. Потом третий мужик староста объявляет: «Два удара плетью и отпустить». «Простите, господин... Но вы точно хотите ударить плетью потомственного мага?»

Все присутствующие грустнеют. Потом мир превращается в звон мечей и хруст разламываемых копий. Не теряя достоинства, я удаляюсь с места судилища.

Никто не проявляет желания меня преследовать.

Впрочем, покупать мою душу – тоже.

В порыве найти Эллен я иногда способен на сумасбродные шаги. Поход к Повелителю был именно таким шагом. И я это знаю.

У обочины дороги сидит котяра и смотрит на меня вопрошающе. «Что уставился?» - недовольно проговариваю я. Кот испуганно удаляется в заросли, оттуда слышится его недовольное ворчание по поводу необычайной понятливости людей.

Потом я встречаю еще кошек. На сей раз я к ним благосклонен. Равновесие духа постепенно ко мне возвращается.

И Эллен снова снится мне этой ночью.

Она снова просит ее спасти.

...Бедро случайной проститутки приятно греет бок.

До наступления утра.

Я хочу убить себя после таких ночей.

Как жаль, что магам нельзя употреблять спиртное, чтобы глушить горе.

Или это наше величайшее благо?

Кыць подкрадывается ко мне сзади, неторопливо обходит меня положенные три раза, смотрит пристально всепроникающими зелеными

глазами прямо в мои глаза... Он так внимательно смотрит, будто вот-вот угадает, о чем я сейчас думаю.

Но кошки не умеют читать мыслей.

- Кыць... - произношу я. – Пора в путь. Ты пойдешь со мной искать Эллен?

Кибитка, трясущаяся на разбитой послевоенной дороге.

Последние серебряники, уходящие в мозолистую ладонь извозчика.

Лес, наполненный сердитыми тенями, приютивший меня и спрятавший от дождя.

Заплечный мешок, трескающийся по швам, наполненный едой для меня и пушистых братьев. Иногда я сажаю туда кошек. Они переползают мне на загривок, мурлыкая и приговаривая слова добра. И тогда я начинаю снова шагать вперед. Сердитые тени леса в испуге отступают...

- Ты так прекрасна, Эллен, - говорю я, лаская ее грудь. Она смотрит на меня в полумраке, меня, такого наивного и открытого всем опасностям.

- Ты тоже, - отвечает она с улыбкой. Я целую ее грудь, не зная, как еще передать нежность, наполняющую меня до края.

Где-то в уголке снуют кошки. Время от времени одна из них с любопытством подходит, чтобы посмотреть внимательно на нас, двуногих существ без шерсти. Мы очень любопытные экземпляры для изучения и разглядывания отражающими неяркий свет зелеными глазами.

Я обнимаю Эллен, прижимаюсь всем телом к благодатному теплу...

Наступает утро, и сон оканчивается.

Мы лежим вместе, прижавшись друг к другу, стремясь слиться друг с другом. Мы обнажены и счастливы.

Я хочу что-то сказать о безмерном спокойствии, наступающем такие минуты, и Эллен намеревается сообщить мне о том же. Но мы соблюдаем молчание. Мы только дышим и впитываем тепло друг друга.

А когда моя рука скользит по ее коже, приходят кошки. Переступают мягкими лапками по нам и нашему ложу, неторопливо мостятся рядом и басовито урчат. Их несколько, от трех до четырёх, и им безмерно нравится наблюдать за тем, что мы делаем.

- Это какое-то соучастие... - со смехом говорит Эллен, а потом мы перестаем замечать кошек.

А они все смотрят и басовито урчат...

- Кто ты?

- Я – бывший человек.